

Лит. 243. - 1993 - 10.11.93 - 16

Андрей ЧЕРНЫШЕВ

Доктор филологических наук Андрей ЧЕРНЫШЕВ открыл для себя писателя Марка Алданова давно — еще будучи аспирантом, исхитрившись в спецхране Ленинки заказать и получить романы «Ключ» и «Исток».

Когда в перестройку журналы наперегонки стали печатать Набокова, в редакции журнала «Дружба народов» Чернышева спросили, кого еще из писателей русского зарубежья он мог бы порекомендовать. Вскоре в спецхран Ленинки из журнала отправилось письмо с просьбой передать для публикации ксерокопию романа «Ключ» и твердым обещанием оплатить пересылку бандероли. Так начался для нас, широких читателей, Марк Алданов.

— Андрей Александрович, недавно я получила последний том из составленного вами шеститомного собрания сочинений Марка Александровича Алданова (Библиотека «Огонек»). Тираж издан — 760 тысяч экземпляров. То есть как минимум столько читателей в нашей стране уже имеют представление о его творчестве.

— Людей, знающих Алданова, даже больше, потому что были еще и другие публикации — в журналах, газетах. Сам он говорил, что писателю, который не мечтает о миллионе читателей, нечего делать в литературе. При жизни книги Алданова выходили тиражом в одну-две тысячи экземпляров. Мечта оставалась мечтой. Правда, его активно переводили на другие языки, в Америке он получил премию «Клуба лучшей книги месяца» за роман «Начало конца», вышедший в 1943 году на английском языке; но на русском языке этот роман до последнего времени никогда полностью не печатался. Сейчас с № 7 его начал публиковать журнал «Октябрь». Подготовка текста была исключительно сложной. Роман шел с продолжениями в парижском журнале «Современные записки» в конце 30-х годов, но когда Париж оккупировали гитлеровцы, издание журнала прекратилось. Алданов с превеликими трудностями бежит в Америку и там в «Новом журнале» печатает еще несколько отрывков из романа, причем не подряд, а по сюжетным линиям,

— О чем же роман?

— О 37-м годе. Его герои, крупные советские деятели за границей,

Его можно назвать одним из самых плодовитых и долгие годы самых известных на родине русских прозаиков. Говорят, что полное собрание его сочинений составило бы 40 томов. А прибавить еще огромное количество переводов на иностранные языки... Даже Набоков, пока писал по-русски, с трудом сводил концы с концами. Алданову это удавалось.

— посол, командарм и представитель Коминтерна, являющийся одновременно советским разведчиком, — прежде всего порядочные люди. И для каждого из них наступает начало их собственного конца: они сталкиваются с ситуацией, когда все, что они боготворили, чему отдали жизнь, либо не сбылось, либо если и сбылось, то приняло такие уродливые формы... Наедине с собой эти люди приходят к ужасному для них выводу: ошибка была в самой идее.

— А нашими Алданов пользуется источниками в своей работе?

— Жизнь. Роман интересен еще и тем, что образу французского писателя Луи Этьенна Вермандау он придает множество собственных примет. Бунин, который был другом Алданова, говорил: это автопортрет. Сам Алданов, правда, возражал ему, но, кажется, Бунин был прав: отличия даны лишь для отвода глаз и по сюжетной необходимости. Через героя он рассказывал о собственном творческом процессе, о том, как пишутся исторические романы. А ведь к тому времени он уже был автором знаменитой, естественно, не у нас, тетралогии из «эпохи французской революции»... «Начало конца» выйдет и отдельной книгой в нашей стране.

— Вы думаете, роман будет иметь успех у современного читателя?

— Я его считаю весьма значительным явлением для русской литературы. Так что, когда роман будет опубликован, увидим. Есть, правда, сложности. Рукопись романа хранится в Колумбийском университете, где на-

ходится и большая часть архива писателя. У нас есть только то, что опубликовано в русском зарубежье. По английскому изданию удалось восстановить порядок глав, установленный автором. Но последние страницы, в высшей степени выразительных, к тому же с неожиданной концовкой, в этих публикациях не было. Пришлось их давать в обратном переводе с английского.

— Несколько странный вариант...

— Конечно, нужно было бы поработать в американском архиве, но, увы, такой возможности нет.

— Значит ли это, что американский архив писателя для нас закрыт и придется довольствоваться лишь той частью, что продана год назад России? Вообще, Андрей Александрович, расскажите подробнее, что происходит с архивом Алданова.

— Отвечу так: это вопрос денег. Есть валюта — поезжай в Америку, работай в архиве. У меня ее нет. А с архивом Алданова происходит следующее. Собственно, архивов два. В Москве и Нью-Йорке. Часть бумаг была передана после смерти писателя его вдовой в Колумбийский университет США с условием, что, когда в России появится свободная демократическая власть, архив должен быть возвращен на родину. Другая, меньшая его часть находилась в Париже у частных лиц, и в 1992 году Российский фонд культуры приобрел 24 папки крупного формата и еще кожаный портфель, чрезвычайно потертый и старый, с одним отделением и большой застежкой. С этим портфелем Алданов никогда не расста-

вался. Среди бумаг — написанное за месяц до смерти письмо Вере Николаевне Муромцевой-Бунинной, где он советует ей продать архив Бунина в Колумбийский университет: «Я не раз слышал, что Колумбийский архив намерен после освобождения России отдать свои русские богатства либо за плату <...>, либо даже в подарок».

— В США есть специалисты по Алданову?

— По крайней мере два крупных ученых о нем пишут: профессор Николай Ли из университета штата Колорадо — у него превосходная монография «Романы Алданова» — и один из старейших американских русистов В. М. Сечкарев. Однако последние десятилетия книги Алданова в Америке почти не выходили. Порою эмигранты третьей волны отзываются о нем даже пренебрежительно: дескать, нет живых характеров, все слишком от ума...

— Горный в 1923 году тоже называл творчество Алданова «чрезмерно умным, но настолько чужим». Вы понимаете это определение — «чрезмерно умный» писатель?

— Алданов — человек ироничного и трезвого ума. От большинства своих собратьев по перу он отличается тем, что весьма тщательно разрабатывает сюжет. У него герои никогда не поступают по собственному усмотрению. То есть «Татьяна выскочила замуж» — это для Алданова невозможно. Он кукловод, а персонажи — марионетки.

В частной жизни, в общении с друзьями и коллегами это был человек мизантроп, интеллигентный, но застенчивый на все прогулки, с любимой фразой из Декарта на устах: «Хорошо знал тот, кто хорошо скрывал». Алданов никогда ни о ком плохо не отзывался, никогда не написал злой рецензии, был убежден, что это совершенно бесполезно: плохого писателя злая рецензия ничему не научит.

— Читал ли, что написано об Алданове и предисловии к его произведениям, опубликованным у нас, я сделала некоторые выписки. Вот что получилось. Один из образованнейших людей в русской литературе, внешне элегантный и эстетически безупречно учтивый, уравновешенный, корректный, терпимый, снисходительный и людям, умевший внимательно слушать собеседника и мало говорить, у него «проницательный ум и выдала сдержанность» (Набоков), моральный облик изумительной чистоты и благородства... На самом деле много для одного человека, тем более неординарного писателя, который, как правило, бывает натурами слишком сложными, чтобы восприниматься столь идилически?

— Вам хочется отрицать?

— Мне просто хочется разобраться. Не принимать на веру, как раньше, хвалебно-недостовверные байки о писателях. Момент, из архива, из переписки рождается более реальный образ Алданова? Или, по выражению Нодара Думбадзе, у него на плече всю жизнь восседал лишь ангел?

— Пожалуй, не так, чуть иначе. Вот, скажем, переписка двух ближайших друзей — Алданова и Бунина. Бунин постоянно о ком-нибудь язв-

тельно отзывается. И никогда в ответах Алданова ничего подобного нет. Приходит на ум: быть может, он думал о будущих читателях? Хотел предстать перед потомками в лучшем свете? Кроме того, в эмигрантской среде были очень сложные отношения, то, что писалось или говорилось, порой немедленно становилось всеобщим достоянием.

— Алданов, на ваш взгляд, честолюбив?

— Нет. У него, при серьезнейшем отношении к делу, которым он занимался, никогда не было рассуждений о собственных достоинствах и значимости своего творчества. Постоянно подчеркивал, что крупнейшим прозаиком русского зарубежья считает Бунина. В долгих, восьмилетних, подготовительных работах по присуждению Нобелевской премии Бунину роль Алданова была видной и активной, он мобилизовал все свои знакомства и связи, волновался едва ли не больше, чем Бунин.

— А как он воспринимал тот факт, что Бунин, получивший в 1933 году Нобелевскую премию, а заодно и возможность выдвигать на эту премию других писателей, из года в год выдвигал его, Алданова?

— Алданов знал, что не получит этой премии. Но простой причине: два русских эмигранта — нобелевских лауреата в близко отстоящие друг от друга годы — это было невозможно.

— Тем не менее он не сопротивлялся?

— Нет, но и не рассчитывал ни на что.

— Теперь позволите вопрос в стиле «наив». В недавние еще времена всех писателей выстраивали по ранжиру: великий, выдающийся, крупный, известный, талантливый... То есть у каждого была своя ячея, куда его акурратно вкладывали и соответственно рангу прищипывали. Если попытаться подыскать ячею для Алданова, куда бы вы его определили?

— Не нужно ячеек. Тот, кто знаменит при жизни, часто бывает забыт после смерти. И посмертная судьба Алданова в эмиграции была печальной, издавали его крайне мало. Но я считаю его крупнейшим из русских исторических писателей. Как историк он никогда не отступал от фактов, да и как писатель чувствовал себя свободнее там, где не надо было придумывать, а надо размышлять и анализировать. Историю любил и знал, как, наверно, никто другой. Пушкина, например, упрекал за неточность в таких хрестоматийных строках: «Тиха украинская ночь. / Прозрачно небо. Звезды блещут. / Своей дремоты превозмочь / Не хочет воздух. Чуть трещенут / Сребристых тополей листы». Стоп! Тополей при Петре под Полтавой не было, заметил Алданов, их привез на Украину Потоцкий полк...

— Конечно, доля лукавства есть. Дело в том, что в стандартной, массовой литературе существуют трафаретные приемы того, как активизировать читательское внимание. Скажем, в детективах убийцу обнаруживают на последней странице. Алданов предлагает более утонченный вариант увлечения.

— То есть он поступает со своими читателями точно так же, как со своими героями: стоит за ширмой и дергает за ниточки. Может быть, потому, после того как прочтешь его прозу, хочется прочитать и о нем самом. Могли бы вы представить нишу об Алданове, написанную так, как писал он сам, — с боковым авантюрным сюжетом, с исторической манерой... Получился бы такой роман, скажем, для серии «Жизнь замечательных людей»?

— Боюсь, что нет. Жизнь Алданова — прежде всего труд за письменным столом. У писателей-профессионалов, проводящих треть жизни в библиотеках, мало внешних событий. Первый роман Алданова вышел, когда ему было 35. Для творчества оставалось еще ровно столько же. Конечно же, переезды из Франции в Германию, из Германии во Францию, побег в годы войны в США, возвращение во Францию... Но все это не дает авантюрной интриги, даже эмиграция из России, на которую Алданов решился в 1919 году...

— Им никогда не владели ностальгические настроения?

— Конечно, владели. В письме к израильскому импресарио Александру Ильичу Погребецкому, например, содержится такое признание: «Вероятно, вы правы в том, что говорите о молодежи и ее резкости, несклонности, эгоизме. Значит ли это, что Вам жить в Палестине трудно? Да где не трудно? Но-настоящему жить можно только в той стране, где человек родился и провел свое детство. Мне это не было суждено. Боюсь, что не суждено и Вам». К тому же Россия остается главной темой его творчества. Но вот что он пишет в очерке: «На одном из славянских языков эмигранты называются «упрхлики», — вероятно, от корня «упорхнуть». В этом, надеюсь, нет ничего обидного; и то сказать, среди людей, правящих теперь в мире, — например, в Чехословакии, Польше, Испании, Каталонии, Ирландии (и в России), — чрезвычайно много бывших «упрхликов». Продолжение словесной ассоциации, очевидно, должно было бы вызвать мысль о беззаботной, как у птички, радостной жизни на чужбине... Эту жизнь мы достаточно хорошо знаем. Но вот только для того, чтобы не проходить в шереге манифестантов перед Малзолем Лениным, стоило — о, да, как стоило! — стать «упрхликом», хотя бы и на долгие годы».

— Андрей Александрович, я знаю, что